

На правах рукописи

Панкова Анастасия Викторовна

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ВЕЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ:
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПОКАЗАТЕЛЬНЫЕ «КЕЙСЫ»**

22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва – 2019

Работа выполнена на кафедре социологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии
Российского университета дружбы народов
Троцук Ирина Владимировна

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор,
заместитель декана факультета журналистики
Института государственной службы и
управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Шарков Феликс Изосимович

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой социальной философии
Российского университета дружбы народов
Ивлева Марина Левенбертовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры методов сбора и анализа
социологической информации
Высшей школы экономики
Полухина Елизавета Валерьевна

Защита состоится 24 декабря 2019 года в ____ часов на заседании Диссертационного совета ПДС 1000.002 в ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов, а также на официальном сайте организации по адресу: <http://dissovet.rudn.ru>

Автореферат разослан «__» ноября 2019 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор социологических наук

Троцук И.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования

Предметная среда всегда помогала индивиду в удовлетворении его потребностей: используя вещи в обиходе, взаимодействуя с ними, человек постепенно приобретал новые способности и умения. Для современного общества характерен значительный рост числа вещей и их символического разнообразия – по мере развития рыночной экономики и практик потребления. Так, в советском обществе отношение к вещам было иным: идеологическая борьба с привязанностью к вещам соседствовала с практической зависимостью от них и постоянными размышлениями индивидов о возможности их приобретения¹. Сегодня размышления о вещах обрели новый характер: по-прежнему множество вещей доступны не всем слоям общества; в несколько раз возросло разнообразие вещей, но жизненный цикл многих из них стал значительно короче. С одной стороны, возникли новые потребности, которые удовлетворяют как новые, так и «обновленные вещи». С другой стороны, изменилось место вещей в жизни индивида – они, как и прежде, остаются способом демонстрации статуса своего владельца, его возможностей, места проживания и т.п., т.е. зависимость от вещей не сократилась (и даже возросла), но привязанность к конкретным вещам уменьшилась, поскольку их всегда можно заменить (хотя быстрая и легкая «сменяемость» характерна не для всех вещей). Кроме того, многие вещи столь тесно связаны с технологиями, что практически невозможно представить свою жизнь без них, и, тем самым, вещи забирают себе часть «человеческих» функций.

Несомненно, столь важное место в жизни человека вещи обрели не в современную эпоху: и прежде зависимость от ряда вещей была столь же сильна, как и сегодня. Вопрос скорее в том, каковы причины изменения своеобразной социальной иерархии (и символического значения) вещей по мере развития общества. Вместе с трансформацией социальных практик у вещей появляются новые функции и возможности. Так, например, одежда всегда играла значимую роль, но ее функции постоянно менялись, расширялись и подстраивались под нужды людей и социальные изменения, а сегодня обретают дополнительные смыслы. Или, скажем, цветы (как подарок) не обладали прежде такой значимостью, как сегодня. Иными словами, изучение социального значения вещей помогает понять социальные проблемы и явления.

Социальные науки вынуждены искать новые методы исследования сравнительно недавно возникших явлений и практик, связанных с вещами: например, платное фотографирование с букетами, которые не принадлежат индивиду, использование умного матраса, который ловит супругов за изменой, появление фитнес-браслетов и иных приборов, измеряющих и корректирующих поведение и т.п. Отсутствие «реестра» методов эмпирического изучения социального значения вещей также определяет актуальность тематики диссертации, которая

---

¹ См., напр.: *Ечевская О.* «Свобода в вещах» или «свобода от вещей»: значения вещей в практиках повседневной жизни // *Люди и вещи в советской и постсоветской культуре.* Новосибирск, 2005.

фиксирует неизбежность изменения «оптики» социологии по мере изменения вещественной среды социальной жизни.

Учитывая ограниченные возможности диссертационного исследования и неограниченные масштабы вещественной среды жизни современного человека, в работе рассмотрены несколько условных «кейсов». Во-первых, важная социальная функция вещей – способность выступать в качестве подарка. Дарение не является новой практикой, однако сегодня обрело новые черты: в роли подарка многие вещи меняют свои позиции в условных иерархиях, в том числе в сети взаимоотношений между вещами и индивидами, а также между индивидами по поводу вещей. Дарение – это ситуация, вплетенная в определенную конфигурацию социальных отношений, акт дарения помогает устанавливать и укреплять уже сложившиеся связи, выступает индикатором качества отношений внутри социальных групп. Ряд функций подарков варьирует в зависимости от культуры и исторической эпохи, но в эпоху глобализации и массового потребления в качестве подарка может выступать практически любая вещь. Наряду с традиционными факторами, определяющими выбор предмета/услуги для дара, важны и личные представления дарителя и одариваемого. Диапазон выбора подарков расширяется благодаря увеличению числа праздников, особых поводов и дней, которые связаны в представлениях людей с актом дарения (возник даже специальный термин «подарковедение»).

Второй рассматриваемый в диссертации «кейс» – одежда/костюм² как набор вещей: она интересует не только ученых, но и каждого из нас, поскольку сопровождает нас повсюду с самого рождения, является элементом и инструментом социализации, отражает состояние общества и происходящие в нем трансформации. Одежда – предмет предельно изменчивый, что обуславливает особые трудности в ее изучении: в разные исторические периоды и даже годы одежда имеет особые черты – они походят на предыдущие ее формы, но никогда не идентичны, потому что костюм отражает нынешнее, сиюминутное состояние социальной реальности. В то же время одежда – полисемантический предмет, который позволяет зафиксировать, «поймать» ускользающую реальность, находящуюся в постоянном движении и изменении.

Таким образом, вещи способны улавливать изменения как на уровне вещественно-предметных, так и социально-культурных трансформаций, а потому являются и удобным инструментом для изучения социальной реальности, и значимым объектом исследования, требующим обоснования, разработки и апробации методик сбора эмпирических данных о вещах и с помощью вещей.

---

² Термин «одежда» используется в диссертации в словарном определении: совокупность предметов, которыми покрывают, одевают тело, поэтому термины «одежда», «костюм» и «платье» выступают как синонимы.

Степень научной разработанности проблемы

Диссертационное исследование опирается на несколько подходов. Во-первых, это анализ вещей в разных дисциплинарных полях: в исторической науке³, экономике⁴, искусстве⁵, эстетике⁶, семиотике⁷ и др. В частности, в диссертации рассмотрены идеи представителей социологии вещей: М. Акрича, Г. Гарфинкеля, И. Гоффмана, Г. Зиммеля, М. Каллона, К. Кнорр-Цетины, И. Копытоффа, Б. Латура, Дж. Ло, В. Синглтона и др.⁸. Так, К. Кнорр-Цетина изучает возможности расширения понятия социального благодаря новому статусу вещей в современном обществе. Г. Зиммель рассматривал вещи с точки зрения их смыслового наполнения, И. Гоффман развил эту идею в концепции фрейм-анализа, а Г. Гарфинкель исследует предписанный смысл объекта, но сужает его до сиюминутного использования в конкретной ситуации. Примерно в 1970-е годы с развитием новых технологий признается необходимость прекратить пренебрегать материальным (изучаются не только знания, но также технологии и производство), что обуславливает «поворот к материальному» – возникают первые теории вещей и технологий. Наряду с социологией вещей, для разграничения понятий вещи и технологии в диссертации упоминаются работы и по социологии технологий⁹.

---

³ См.: Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф и др. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2008; Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М., 1983; Лапто-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. I-II. СПб., 1910-1913 и др.

⁴ См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984; Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 2007; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 2014 и др.

⁵ См.: Гизе М.Э. Очерки истории художественного конструирования в России XVIII – начала XX века. Л., 1978; Моран А. История декоративно-прикладного искусства. М., 1982.; Фокина Л.В. История декоративно-прикладного искусства. М., 2009; Всеобщая история искусств. В 6-ти тт. М., 1959-1966; Русская художественная культура конца XIX – начала XX века. В 4-х тт. М., 1968-1980 и др.

⁶ См.: Ковешникова Н.А. Дизайн. История и теория. М., 2009; Миролобова Л.Р. Вещная среда и эстетическое воспитание личности // Эстетическое воспитание студентов. Теория, опыт, прогнозы. Свердловск, 1983; Миролобова Л.Р. Социально-эстетическая природа бытовой предметной среды // Этика и эстетика. Киев, 1977. Вып. 20; Молчанова А.С. На вкус, на цвет... Теоретический очерк об эстетическом вкусе. М., 1966 и др.

⁷ См.: Кнабе Г.С. Язык бытовых вещей // Декоративное искусство СССР. № 1; Лободанов А.П. Прикладные искусства: Лекции по семиотике. Вып. III. М., 2007; Лотман Ю.М. К проблеме типологии культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып.3; Миролобова Л.Р. Социокультурная обусловленность вещи в искусстве // Креативная экономика и социальные инновации. 2012. №1; Фрейденбер О.М. Семантика первой вещи // Декоративное искусство. СССР. 1976. №12; Фрейденбер О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997 и др.

⁸ См.: Ечевская О., Гурова О., Вейс О., Дейхина О., Захарова Ю. Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск, 2005; Социология вещей. М., 2006; Callon M., Latour B. Unscrewing the big Leviathans: How do actors macrostructure reality // К. Кнорр, А. Cicourel (Eds.) Advances in Social Theory and Methodology. Toward an Integration of Micro and Macro Sociologies. L., 1981; Garfinkel H. Conditions of successful degradation ceremonies // American Journal of Sociology. 1956. Vol.61. No.5; Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to Face Behaviour. N.Y., 1967; Knorr-Cetina K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge. Harvard, 1999; Копыtoff I. The cultural biography of things: Commodization as process // Appaduray A. (Ed.) The Social Life of Things. Commodities in Cultural Perspective. Cambridge, 1986; Mol A., Lo J. Regions, networks and fluids: Anemia and social topology // Social Studies of Science. 1994. No.4; Singleton V. Made on locations: Public health and subjectivities // Law J. (Ed.) A Sociology of Monsters? Essays on Power, Technology and Domination. L., 2000 и др.

⁹ См.: Котельникова З.В. Как вещи вторгаются в отношения (на примере противокражного оборудования в магазинах) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т.14. №4; Кузнецов А.Г., Шайтанова Л.А. Маршрутное такси на перекрестке режимов справедливости // Социология власти. 2012. №6-7; Akrich M. The description of technical objects // Shaping Technology/Building Society. Studies in Sociotechnical Change. Cambridge, 1992; Bijker W. The Social Construction of Technology. The Netherlands, 1990; Blumer H. Fashion: From class differentiation to social selection // Sociological Quarterly. 1969. No.10; Costall A. Socializing affordances // Theory and Psychology. 1995. No.5; Dant T. Material civilization: Things and society // British Journal of Sociology. 2006. Vol.57. No.2; Elias N. The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychigenetic Investigations. L.-N.Y., 1978; Jasanoff S., Markle G.E., Peterson J.C., Pinch T. Handbook of Science and Technology Studies. L., 1995; Molotch H. Where Stuff Comes From: How

Следующие тематические компоненты диссертационного исследования – феномен дарения и социальные функции одежды. Изучение практик дарения в социально-гуманитарном знании началось с антропологии (прежде всего, Б. Малиновский и М. Мосс¹⁰), а затем развивалось по двум основным направлениям: 1) исследования отношений дарения в традиционных обществах, т.е. продолжение классической линии (Б. Грегори, А. Перри и др.)¹¹; 2) анализ феномена подарка в индустриальной и постиндустриальной культуре (Ф. Каррьер, Д. Миллер и др.)¹². Вклад в развитие данного направления внесли О.А. Соснина, Н.В. Ссорин-Чайков и др.¹³ Интерес к феномену дарения проявляют представители семиотики¹⁴, экономисты¹⁵, психологи¹⁶, философы¹⁷ и социологи¹⁸.

Одежду социологи считают важным индикатором социальных процессов, отмечая в ней коды¹⁹ и функции, разительно отличающиеся от таковых в предыдущие эпохи. Впрочем, в одежде акцентируются разные аспекты: так, Д. Моррис определяет ее как «социальный сигнал» в контексте истории; Р. Сеннетт связывает тип одежды с социальным статусом; Т. Веблен видит в платье «выражение денежной культуры»; для Г. Зиммеля мода, в том числе в одежде, – классовое соревнование; М. Салинс считает, что одежда – язык культуры, «карта культурной вселенной»; Р. Барт рассматривает одежду с семиотической точки зрения –

Toaster, Toilets, Cars, Computers, and Many Other Things Come to Be As They Are. N.Y., 2003; *Shove E.* Comfort, Cleanliness and Convenience: The Social Organization of Normality. Oxford, 2003; *Olsen O., Engen O.* Technological change as a trade-off between social construction and technological paradigms // *Technology in Society*. 2007. Vol.29. No.4 и др.

¹⁰ См.: *Малиновский Б.К.* Избранное. Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2015; *Мосс М.* Очерк о даре // *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии*. М., 1996 и др.

¹¹ См.: *Gregory C.A.* Gifts to men and gifts to god: Gift exchange and capital accumulation in contemporary Papua // *Man*. 1980. No.5; *Parry J.* The gift, the Indian gift and the „Indian gift” // *Man*. 1986. No.21 и др.

¹² *Carrier J.* The rituals of Christmas giving // *D. Miller (Ed.)*. Unwrapping Christmas. Oxford, 1993; *Miller D.* A theory of Christmas // *Unwrapping Christmas*. Oxford, 1993 и др.

¹³ См.: *Соснина О., Ссорин-Чайков Н.* Постсоциализм как хронотоп: постсоветская публика на выставке «Дары вождям» // *Неприкосновенный запас*. 2009. №2; *Байбурин А.К., Пицур А.М.* Счастье по праздникам // *Антропологический форум*. 2008. №8 и др.

¹⁴ См.: *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1999; *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2015; *Махлина С.Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб., 2009; *Черкасова Е.Н.* Символический концепт «подарок» в языковом сознании: на материале американской и русской лингвокультур: Дисс. Астрахань, 2009 и др.

¹⁵ См.: *Garner T., Wagner J.* Economic dimensions of household gift-giving // *Journal of Consumer Research*. 1991. Vol.18. No.3 и др.

¹⁶ См.: *Домогатская Е.Г.* Язык подарка // <http://www.acapod.ru/1150.html>; *Фенько А.Б.* Люди и деньги. Очерки психологии потребления. М., 2005; *Argyle M.* The Psychology of Interpersonal behavior. L., 1977 и др.

¹⁷ См.: О Даре: Дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом // *Логос*. 2011. №3 и др.

¹⁸ См.: *Дубин Б.В.* Будни и праздники // *Интеллектуальные группы и символические формы*. М., 2004; *Ильин В.И.* Подарок как социальный феномен // *Рубеж*. 2001. №16-1; *Малов Е.А.* Акторно-сетевой подход к анализу ритуала дня рождения // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. №1; *Шмерлина И.А.* Подарок как «социальная вещь» // *Социальная реальность*. 2007. №5 и др.

¹⁹ Термин «код» обозначает совокупность знаков (символов), смыслов (и их комбинаций), которые заключены в любом предмете материальной и духовной деятельности (например, в одежде). Особый вклад в разработку термина внес К. Рапай, для которого культурный код – «бессознательный смысл той или иной вещи или явления, будь то машина, еда, отношения, даже страна в контексте культуры, в которой мы воспитаны» // *Кравченко А.* Культура и культурология. М., 2003. С.928.

«костюм должен быть аргументом», его нужно уметь не только видеть, но и «читать»; В. Эннингер находит в одежде сразу несколько семиотических слоев (нижний, средний, верхний)²⁰ и т.д.

В диссертации высказывается предположение о расширении возможностей исследования вещей в современном обществе. В частности, вместе с изменением общества, вещей и стиля жизни индивидов вещи стали «говорить» о свободе. Соответственно, диссертация опирается и на работы таких ученых, как Р. Арон, П. Бергер, В. Виндельбанд, Д. Зиглер, Е.И. Кузьмина, С.А. Левицкий, Г. Маркузе, Э. Фромм, Е. Хьелл, М.А. Шабанова и др.²¹

Теоретико-методологические основания исследования

В силу теоретико-методологической направленности диссертация опирается на сравнительный и историографический анализ шести условных групп теоретических ресурсов, объединенных по критерию рассмотрения важных для диссертации вопросов: во-первых, это работы представителей социологии вещей (М. Акрич, В. Бейкер, И. Гофман, Г. Зиммель, К. Кнорр-Цетина, И. Копытофф, З.В. Котельникова, А.Г. Кузнецов, Б. Латур, Дж. Ло, Х. Молоч и др.); во-вторых, работы по теории костюма (Т. Веблен, Ф. Девис, В. Зомбарт, Г. МакКракен, Р. Сеннет и др.); в-третьих, исследования практик дарения (А. Аппадурраи, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё, В.И. Ильин, Ф. Каррьер, П. Корриган, М. Мосс, Б. Малиновский и др.); в-четвертых, подходы к эмпирической оценке одежды и подарков (М. Брюн, А. Комтер, В.Б. Малинин, Д. Ричардсон, К.З. Трапаидзе, Е.О. Цыплакова, Л.И. Ятина и др.²²); в-пятых, работы историков, этнографов, искусствоведов, правоведов и культурологов, посвященные практикам дарения и костюму (С.В. Ворошилова, П.И. Иванов, П. Кенез, Е.В. Киреева, Н.И. Лебедева, М.Н. Мерцалова, Э. Холландер, Б.Л. Шапиро и др.²³); а также исследования проблематики свободы (Р. Арон, П.Л. Бергер, В. Виндельбанд, Д. Зиглер, Э. Фромм,

---

²⁰ См.: *Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003; *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 1984; *Сеннет Р.* Коррозия характера. Новосибирск, 2004; *Enninger W.* The design features of clothing codes: The functions of clothing displays in interaction // *Kodikas*. 1985. Vol.112; *Sahlins M.* Culture and Practical Reason. Chicago-L., 1976 и др.

²¹ См.: *Арон Р.* Эссе о свободах: «Универсальной и единственной формулы свободы не существует» // Политические исследования. 1996. №1; *Бергер П.* Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М., 1996; *Виндельбанд В.* Свобода воли // *Избранное: Дух и история*. М., 1995; *Кузьмина Е.И.* Психология свободы. М., 1994; *Левицкий С.А.* Трагедия свободы. М., 1995; *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994; *Милль Д.С.* О свободе // *Антология западноевропейской классической либеральной мысли*. М., 1995; *Спиноза Б.* Избранные произведения. М., 1957. Т.2; *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1995; *Шабанова М.А.* Социология свободы: Трансформирующееся общество. М., 2000 и др.

²² См.: *Брюн М.* Подарки в бизнесе // <https://dekos.uz/?mod=blog&elid=1402464711>; *Komter A.* Social Solidarity and the Gift. The Netherlands, 2004; *Малинин В.Б., Трапаидзе К.З.* Социологическое исследование несовершеннолетних осужденных // *Ленинградский юридический журнал*. 2017. №2; *Цыплакова Е.О.* Престижное потребление в контексте практик дарения в студенческой среде // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2015. №5; *Ятина Л.И.* Полистилизм: новый этап в развитии моды // *Рубеж*. 2000. №15; *Richardson J.* Three Centuries of Women's Dress Fashions. A Quantitative Analysis. Berkeley-L.A., и др.

²³ См.: *Ворошилова С.В.* Правовое положение женщин в России (XIX – начало XX вв.) // *Правовая культура*. 2011. №1; *Иванов П.И.* Обзорение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия. М., 2005; *Киреева Е.В.* История костюма. Европейский костюм от античности до XX в. М., 1976; *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество у восточных славян в конце XIX и начале XX в. // *Востоочнославянский этнографический сбор-*

Л. Хьелл, М.А. Шабанова и др.²⁴). Эмпирический анализ кодификации одежды опирается на теорию У. Эко и метод «культурной биографии вещей», представленный в работах А. Аппадурраи, И. Копытоффа и др.

Эмпирическая база диссертации основана на качественном подходе (метод полужформализованного интервью) в сочетании с визуальной социологией. Был проведен пилотаж (4 интервью) и разведывательное исследование (15 интервью) с декабря 2017 по март 2018 года (в ходе интервью были также получены личные фотографии респондентов). Собственное эмпирическое исследование базировалось на предложенной М.А. Коноваловой модели изучения свободы и было дополнено интервью с экспертом, соответствующим характеристикам респондентов в проекте М.А. Коноваловой.

Объект диссертационного исследования – вещественное измерение социальности с точки зрения возможностей его социологического изучения.

Предмет – подарок в виде цветов и костюм/одежда как наиболее показательные исследовательские «кейсы», позволяющие реконструировать стратегию социологического анализа вещей на теоретическом и эмпирическом уровне.

Цель исследования – обозначить общие контуры концептуального и операционального определений вещей как вспомогательного и основного объекта социологического исследования. Для этого были решены следующие *задачи*:

1. Выделены наиболее значимые для социологии междисциплинарные подходы к изучению вещественного измерения социальной жизни
2. Обозначены социологические подходы к изучению вещей и технологий, уточнен критерий разграничения данных понятий
3. Систематизирован категориальный аппарат и основные положения «теории костюма» и «теории дарения» в рамках «социологии вещей»
4. Представлен пример реализации исследовательской стратегии «культурная биография вещи» на примере цветов (как подарка) и костюма
5. Обоснована необходимость фокуса социологического анализа на функциональных характеристиках вещей, в том числе с применением элементов семиотического подхода
6. Реализовано собственное разведывательное эмпирическое исследование для демонстрации эвристических возможностей вещей (одежды) в социологическом анализе феномена свободы

Научная новизна и значимость результатов диссертационного исследования определяется обозначенным выше характером проблемного поля и решением основных задач работы и состоит в следующем:

ник. М., 1956; Мерцалова М.Н. История костюма. М., 1972; Холландер Э. Взгляд сквозь одежду. М., 2015; Шапиро Б.Л. Городской костюм в контексте культуры пореформенной России: Автореф. М., 2014; Kenez P. The Birth or the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917-1929. Cambridge, 1985 и др.

²⁴ Арон Р. Эссе о свободах: «Универсальной и единственной формулы свободы не существует» // Политические исследования. 1996. №1; Бергер П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М., 1996; Виндельбанд В. Свобода воли // Избранное: Дух и история. М., 1995; Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб., 1997; Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995; Шабанова М.А. Социология свободы: Трансформирующееся общество. М., 2000.

1. Систематизированы концептуальные подходы российских и зарубежных исследователей к анализу феномена «вещь», показан их междисциплинарный характер и условность границ предметного поля социологии вещей.
2. Обоснована невозможность обобщенного социологического разговора о вещественном измерении социальности в целом и необходимость анализа конкретных «кейсов», которые могут выступать и как объект теоретических и эмпирических исследований (феномен дарения на примере цветов и одежда/повседневный костюм рассмотрены в контексте изменения количества и «качества» их функций), и как их предмет (феномен свободы представлен как проявляющийся, в том числе, в вещественных предпочтениях).
3. Сформулировано новое направление исследовательских поисков – реконструкция исторической траектории расширения функций обыденных вещей. Его контуры прочерчены на примере костюма и цветов как наиболее «эвристически» насыщенных вещей.
4. Систематизированы методические возможности эмпирического изучения вещей в социологии через реконструкцию их «культурной биографии», которая позволяет фокусировать внимание и на вещи как таковой, и на вещи как индикаторе трансформаций и/или определенного состояния общества.
5. Разработан и апробирован инструментарий эмпирического исследования (сочетание методики М.А. Коноваловой – полуформализованного интервью – с проективными вопросами и сбором визуальной информации в формате фотографирования внешнего вида респондентов в разных контекстах), позволяющий продемонстрировать возможности и ограничения социологического анализа вещей как «маркеров» свободы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Усложнение общества привело к увеличению функций вещей, и социологический подход способен уловить общие тенденции изменения вещественного измерения социальности, поскольку опирается на наработки других дисциплин (историк считает вещь проводником в прошлое, экономист – лишь функцией в экономической цепочке, искусствовед – предметом искусства, семиотик – набором знаков и т.д.) и вряд ли способен уложиться в границы предлагаемой рядом исследователей специальной социологической дисциплины – социологии вещей.
2. В социологии отсутствует единое определение «вещи», поскольку любая ее дефиниция предполагает лишь акцентирование какой-то из ее характеристик: «рамка» социального взаимодействия, носитель социальной информации, инструмент и реквизит, действующий актер наравне с индивидом, объект технокультуры и др. Иными словами, вещь – целостная и относительно устойчивая часть действительности, обладающая определенностью структурных, функциональных, качественных и количественных характеристик. Несмотря на междисциплинарный характер и широту социологического подхода к вещественному измерению социальности, теоретический и эмпирический анализ вещей в социологии должен фокусироваться на конкретных «кейсах», ко-

торые могут выступать в двух ролях – как самостоятельный объект исследования (скажем, цветы как подарок) и как вспомогательный или дополнительный предмет изучения, позволяющий оценить новые или прежде неисследованные грани других, менее «вещественных» феноменов (например, реальной и идеальной свободы).

3. Вряд ли можно говорить о том, что вещи требуют новых методических решений для своего социологического изучения, поэтому следует опираться на уже апробированные в других дисциплинарных полях стратегии исследовательского поиска, адаптируя их под задачи социологического анализа. Соответственно, подарок в эмпирических исследованиях может выступать основным объектом или быть инструментом, который помогает изучать процессы дарения и потребления в разных обществах (суть, причины, особенности), раскрывает суть конструирования праздничного пространства, укрепления социальных сетей и связей и т.д. Костюм, в свою очередь, помогает анализировать социальные нормы и установки, связанные с одеждой, рассказывает об особенностях жизни определенных социальных групп и т.д. В подобных исследованиях используются преимущественно качественные методы, однако встречаются и количественные – как правило, социолог вынужден «нащупывать» необходимую методику среди возможных вариантов.
4. Реконструкция «культурной биографии» обыденных вещей сочетает в себе возможности макро- и микро-социологического анализа вещественного измерения социальной реальности и двойную фокусировку поиска – на вещи как элементе социальной драматургии (в гофмановском смысле) и на вещи как маркере социальных феноменов. Культурная биография вещи, реконструируемая на основе семиотического подхода, способна продемонстрировать процесс развития вещи как последовательную смену и/или сохранение ею важных социальных функций и трансформацию ее кодовой системы вслед за изменением идеалов общества. Так, функции цветов изменились от чисто утилитарных до символически-идеологических; схожим образом менялись и функции одежды: первоначально внешний вид диктовался климатическими условиями и доступными ресурсами, но по мере развития производства, разделения труда, дифференциации городского и сельского образов жизни, развития социально-экономических отношений, расширения транспортных возможностей и т.д. встроенные в одежду коды усложнялись и множились.
5. Учитывая сложную и контекстуально множественную кодификацию вещей, для их изучения в эмпирических исследованиях даже в качестве вспомогательного объекта следует применять качественный подход, опираясь на методическую триангуляцию. В частности, хорошие результаты дала апробация методики, сочетающей полуформализованное интервью и сбор визуальной информации для демонстрации возможностей и ограничений социологического анализа вещей как «говорящих» о представлениях людей о реальных и идеальных свободах. Одежда не может выступать однозначным эмпирическим индикатором свободы, но может скорректировать и дополнить результаты применения любого подхода к изучению свободы (оценка удовлетворенности жизнью, поиск определений свободы, изучение прав и свобод и т.д.).

Теоретическая и практическая значимость исследования

Полученные в исследовании результаты способствуют уточнению предметного поля и методических возможностей социологического анализа вещественного измерения социальности и могут быть использованы для разработки программной части и инструментария эмпирических исследований вещей в рамках социологии культуры, социологии общественного мнения, визуальной социологии, а также для «вещественной» детализации результатов анализа трансформаций социальной структуры. Предложенная и апробированная в диссертации методика, объединившая вопросы о внешнем виде с опросником М.А. Коноваловой о соотношении реальных и идеальных свобод и сбором визуальной информации, может быть использована, в том числе в модифицированном виде, в фундаментальных и прикладных исследованиях разной тематики. Результаты диссертационного исследования могут привлекаться в качестве иллюстративного материала для курсов по методологии и методике социологических исследований, социологии повседневности, методам работы с текстовыми данными, качественным методам и др.

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования изложены в 18 опубликованных автором работах общим объемом 12 п.л., докладывались и обсуждались на международных и российских конференциях, в том числе на двух ежегодных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика» (РУДН, 2016, 2017), Международном молодежном научном форуме «Ломоносов» (МГУ, 2017, 2018), XVIII научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Диалог цивилизаций: Восток-Запад» (РУДН, 2018).

Структура диссертации подчинена достижению цели и задач исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и трех приложений. Библиографии диссертации насчитывает 268 источников. Общий объем диссертационной работы – 210 страниц (8,9 п.л. без библиографии и приложений).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, характеризуется степень изученности проблемы, теоретико-методологические основания диссертационного исследования, его объект, предмет, цель и задачи.

В **первой главе «Предметное поле социологического изучения вещей»** представлен краткий обзор подходов к исследованию вещей в таких науках, как история, психология, экономика, этнография, искусствоведение, эстетика и семиотика; охарактеризована специфика социологического анализа вещей; обоснован выбор «объекта» исследования – одежды/костюма и цветов (как подарка).

Первый параграф посвящен *«Концептуальным контекстам социального анализа вещной среды»*. В частности, история рассматривает вещь как артефакт, который позволяет рассказать о культуре, образе жизни и особенностях быта людей. В отличие от других наук историки видят в вещах не только технологические достижения цивилизации, но и особенности материальных и духовных потребностей общества определенной эпохи, акцентируя внимание на социокультурных функциях вещей. Экономический подход видит суть социальной жизни вещи в диалектике производства и потребления: вещь предстает в виде товара с потребительской стоимостью, который позволяет удовлетворять потребности людей и обретает, тем самым, потребительскую стоимость. Экономический подход рассматривает не только особенности удовлетворения потребностей в вещах, но и процесс формирования таких потребностей в разных социально-экономических системах. Наделение вещей декоративно прикладной ценностью сделало возможным их искусствоведческий анализ и три его формы: эмпирический, теоретический и исторический. Эстетика изучает вещь с нескольких позиций: соотношение пользы и красоты, как эстетический объект, особенности эстетического воспитания личности в вещной среде. Семиотика видит в вещах носителя знаков и их значений, ее интересуют процесс передачи смыслов, их происхождение и принятие. И, наконец, социология рассматривает вещь как продукт общества, вне которого она не может существовать (или теряет смысл), поэтому занимается «поисками» вещи в системе отношений индивида и общества и описанием ее трансформаций в разных социально-исторических системах, а потому часто обращается к истории, семиотике, экономике и т.д.

Второй параграф «Специфика социологической интерпретации вещей» уточняет особенности социологического анализа вещей и разводит понятия «вещи» и «технологии». Относительно недавно материальный мир считался приоритетным объектом антропологии, но в последние десятилетия ослабление аксиологической асимметрии в разных оппозициях добавило вещам «человеческие» качества, позволив увидеть в них социальных «актеров». Признание вещи предметом социологии породило проблему отказа от суверенитета социального, и было разработано два ее решения – сведение вещи к ее социальному смыслу или рассмотрение без потери ее материальной объектности.

Первые попытки «разговорить» вещи предприняли этнографы, а развитие семиотики и структурной лингвистики в 1970-1980-е годы позволили расширить область исследования вещей и показать, что благодаря «символизации» вещи ее

«естественные» характеристики постепенно становятся культурными, т.е. тому или иному свойству придается символическое значение в зависимости от культурного контекста, и вещь перестает быть «нейтральной». До «поворота к материальному» социологи, как и этнографы, рассматривали вещи в связи с их значением, но, в отличие от этнографов, искали в них социальный смысл. Современная социология вещей возникла в 1990-е годы благодаря акторно-сетевой теории, в развитии которой огромную роль сыграл Б. Латур. Главной чертой человеческих интеракций он считал наличие материальных предметов, которые способны «локализовать» и «глобализовать» взаимодействие. За идеей «интеробъективности» Латура последовала модель «объект-центричной» социальности К. Кнорр-Цетины и развитие дисциплины «наука, техника и общество» (изучение и обычных вещей, и технологий). В русле «поворота к материальному» работали В. Бейкер и Т. Пинч, предложившие для объяснения материального теории социального конструирования технологий.

Сегодня социологи рассматривают вещи и как объект новой материальной культуры – технокультуры. Согласно Н. Элиасу, траектория развития цивилизации не запланирована, и вещи помогают сдерживать индивида, если это необходимо. Исследование вещей в социологии особенно актуально в связи с появлением у современных обществ ряда новых черт: увеличение объема созданных (искусственных) вещей, особенно в промышленно развитых странах; нарастание функциональной сложности вещей и специфичности их материала. С одной стороны, с появлением у вещей большей автономности мы все меньше зависим от социального окружения; с другой стороны, цепи наших взаимозависимостей увеличились. Таким образом, с ростом функциональности вещей меняются и возможности их научного анализа: сегодня вещи обладают большим исследовательским потенциалом, чем считалось ранее, и способны говорить о таких явлениях, которые раньше считались не имеющими к ним отношения, например, о свободе.

Несмотря на то, что, например, в акторно-сетевой теории вещь зачастую рассматривается как объект, созданный технологиями, изучаются случаи ее поломки и процессы ее конструирования, вещь нельзя приравнивать к технологиям. Социологов интересуют временные и социальные аспекты функционирования разных типов вещей, например, антиквариата, т.е. вещи описываются как элементы повседневности в рамках разных типов культуры или жизнедеятельности разных социальных групп. Социологический словарь уточняет, что вещь – целостная и относительно устойчивая часть объективной действительности, обладающая определенностью, выраженной в структурных, функциональных, качественных и количественных характеристиках. Иными словами, содержание понятия «вещь» несколько шире, чем понятия «технология», поэтому социологию интересуют вещи с точки зрения своей функциональности и включенности в сети социокультурных смыслов и повседневных взаимодействий.

В *третьем параграфе «Костюм как предмет социологического интереса»* обоснована необходимость изучения костюма в социологии – как социального сигнала, проявления социальных ролей и принятых норм поведения, индикатора принадлежности к социальной группе и «формы» телесности. В качестве

базовых социологических подходов к изучению одежды представлены: историко-генетический – рассматривает одежду в историческом контексте (Т. Веблен, Ф. Девис, К. Фокс и др.); психологический – особое внимание уделяет внутренним переживаниям и мотивам использования определенного вида одежды (И. Кон, Р. Сеннет и др.); историко-модно-реконструирующий – трактует одежду как проявление модных тенденций (П. Бурдьё, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Д. Констебл, Г. Тард, П. Уиллис, Н. Херпин и др.); семиотический – видит в костюме особый язык в системе социальных коммуникаций (Г. МакКраген, М. Салинс и др.). Если отталкиваться от трактовки одежды как особого «языка», то концептуальная модель У. Эко наиболее подходит для ее анализа: для него код – и знаковая система, и способ структурирования символов, и элемент идеологии, позволяющий рассматривать объект с интересующей точки зрения; каждый код соответствует лишь одному значению только для одного человека или группы единомышленников. Общей тенденцией в социологических теориях одежды является сужение области применения концепций подражания и демонстративного потребления и расширение сферы применения концепции индустрии мод: вещи сегодня перешли в другое «измерение», заручившись новыми возможностями «управления», в том числе виртуальными.

В *четвертом параграфе «Социологические контексты исследования подарка»* обозначены основные подходы к исследованию дара в социологии на примере цветов. В диссертации разведены понятия товара и дара: товары ориентируются на объекты, а дары – на взаимодействие; отношения, связанные с товарами, – это отношения с незнакомцами, а личные дары связаны, как правило, с близкими людьми. Представители акторно-сетевого подхода выделили несколько уровней социальной сети, которые поддерживаются с помощью подарков: ядро – семья, где осуществляется основной обмен дарами; родные и близкие, не входящие в домохозяйство; близкие друзья; коллеги и знакомые. Кроме того, дар отличается от взятки – она является оплатой за услугу, т.е. представляет собой совокупность рыночных и административных отношений. Подарок также используется в сетевых отношениях, но не является оплатой за услугу, хотя может вести к важным рыночным и административным последствиям, но здесь нет прямой логической связи и близости во времени. Акт дарения интересует социологов в рамках изучения повседневности: например, праздник рассматривается как противовес обыденности, в том числе благодаря чрезмерной ритуализации ситуаций дарения. Социальный ритуал дарения может возникать в результате исторического процесса или быть целенаправленно сконструирован за короткое время. В конструировании подарка работает следующая схема: повод + вещь + ритуал + сетевые отношения, применительно к которым используется термин «реципрокность» – особый взаимообмен дарами между членами горизонтальной сети. Таким образом, как и одежда, подарки рассматриваются с семиотической точки зрения, поскольку могут нести в себе личную, массовую и специальную информацию. Согласно обобщающей теории А.П. Фиске, любая человеческая деятельность (вступление в брак, совершение выбора, обращение с вещами и т.д.) может быть охарактеризована как: совместное пользование, иерархия авторитета, равенство и рыночное ценообразование.

Разработанная в первой главе концептуальная «оптика» позволила провести во **второй главе** оценку **«Методических возможностей эмпирического изучения вещей»**. В **первом параграфе «Методические решения для исследования костюма и подарка»** показано, что методы эмпирического исследования вещей зависят от их трактовки – как инструмента анализа других явлений или как основного объекта социологического интереса. Во втором случае вещам дают возможность «раскрыться» (например, в акторно-сетевом подходе), используя в основном кейс-стади. Для рассмотрения вещи в обеих трактовках или в качестве инструмента исследования применяются методы фокус-групп, различные виды интервью, оцениваются траты жителей разных стран на вещи и т.д. Исследователи, работающие в русле семиотического подхода, видят в подарке инструмент, способный «говорить», поэтому, чтобы понять, насколько индивиды «прислушиваются» к символам в повседневной жизни, часто используется метод полуструктурированного интервью, а также сочетания разных методик. Социологи, изучающие вещи, часто заимствуют методы других наук, например, психологии, анализируя вещи с помощью приемов пространственно-знаковой социометрии. Эмпирически «измерить» вещи можно как посредством качественных, так и количественных методик, что, прежде всего, определяется задачами исследования, а также отсутствием предустановленных методов для изучения вещей. Применение лишь количественных методик не позволяет составить полную картину функционирования вещей в обществе, потому что она невозможна без выявления мотиваций и интерпретаций индивидов. Причем чем дальше задачи исследования отстоят от изучения самих вещей, тем более «формальными» становятся методы (массовые опросы посредством анкетирования). В целом эмпирические исследования подарка и костюма сосредоточены на их функциях.

Второй параграф «Метод культурной биографии: происхождение вещей и их кодификации» посвящен особенностям данного метода, который предоставляет информацию о трансформациях, ролях и функциях вещей. Важнейшими этапами в биографии вещи выступают: появление; функционирование – взаимодействие индивидов с вещью, его социокультурные контексты; продолжительность жизни – скорость обмена и исчезновения вещей в обществе (культурная биография вещи тесно связана с социальной историей). Использование данного метода вместе с семиотическим подходом позволяет уточнить современные значения одежды и цветов. Так, дарение цветов всегда было связано с ритуалами (инициация, украшение гробниц и другие исторические практики, которые сегодня соседствуют с новыми и зачастую искусственно созданными), а прочтение кодов одежды возможно только при условии понимания культурных особенностей исторического периода. В каждой культуре существует собственная система кодификации предметов, и к наиболее общим кодам одежды, которые встречаются во всех культурах, можно отнести: код местности проживания, код социального положения, код достижений производства, код эстетического идеала, код свободы и этический код культуры. Коды места проживания, социального статуса и достижений экономики вполне универсальны и считаются в первую очередь. Понимание эстетических и этических кодов требует знания

культурных особенностей общества в конкретную эпоху, поэтому эти коды принято относить к уникальным.

Необходимость *третьего и четвертого параграфов* – «*Культурная биография одежды*» и «*Культурная биография цветов*» – объясняется тем, что одежда и цветы менялись в ходе истории и превратились в вещи, без которых нам трудно представить современную жизнь. Чтобы сформировалась та или иная одежда, необходима не только определенная сырьевая база, но и технологии производства, поэтому изначально на форму одежды оказывали влияние материалы, доступные человеку (например, шкура животного, войлок и т.д.), с появлением первых технологий форма одежды начинает зависеть от машин, например, от станка (горизонтальный, вертикальный и т.п.), на нее влияют особенности быта (долгое время все женщины должны были уметь «производить» одежду), экономические и политические процессы (развитие торговых отношений между странами, мануфактур, транспортных путей, новые изобретения и т.п.). Основные периоды в трансформации костюма – это установление/разрыв торговых отношений, войны с другими государствами и внутренние противоречия (революции и гражданские войны), рождение мануфактур, технические перевороты (изобретение синтетических тканей, открытие органических красителей, строительство железных дорог и т.д.) и смены правящего класса.

Процесс, «оживляющий» предметы, – потребление, в том числе с целью последующего дарения. Маркетологи выделяют несколько базовых этапов в принятии решения о покупке, что позволяет говорить о «материальности» цветов: стимул, проблемная осведомленность, информационный поиск, покупка. Интересы покупателя можно представить концепцией «4С», где товар имеет ценность для потребителя (customer value), цена связана с его расходами (customer costs), место покупки – с доступностью товара (customer convenience), а продвижение товара – с информированностью потребителя (customer communication). Цветы покупают благодаря устойчивым представлениям, что это доступный и необходимый подарок, способный удовлетворить ряд важных потребностей, которые часто преувеличиваются и искусственно культивируются: на выбор «товара» влияет политическое и финансовое состояние общества, эффективность рекламы (в том числе ее эмоциональное содержание), возраст/пол/семейное/финансовое положение, цена, время покупки и расположение точек продажи. Метод культурной биографии позволяет понять причины функционирования вещей в определенной форме, в том числе в виде товаров, подарков, предметов искусства или достижений экономики, т.е. ответить на вопрос, почему цветы перестали быть обычными растениями, а одежда – предметом первой необходимости.

В *пятом параграфе* рассмотрен последний этап в жизни вещей – «*Смерть вещей как неизбежная часть их биографии*». Для современных вещей характерно, что, с одной стороны, они «умирают» в прежних значениях, оставаясь в памяти или исчезая безвозвратно, с другой стороны, могут продолжить существование в иных формах и функциях (секонд-хенды, переработка, засушивание цветов и т.п.). Если прежде окончанием карьеры платья было превращение в тряпку, которая вскоре выбрасывалась, то сегодня вещь может закончить свою

жизнь множеством способов: от мусорного ведра до перевоплощения в новую вещь или приобретения нового хозяина.

В **последней главе «Вещи как “индикатор” свободы: постановка исследовательской задачи»** предпринята попытка оценить потенциал вещей в качестве вспомогательного инструмента исследования посредством проверки гипотезы: вещи могут выступать «индикатором» степени свободы человека.

Первый параграф «Варианты концептуального определения свободы в контексте социологии вещей» посвящен междисциплинарным подходам к исследованию свободы. Так, в философии проблема свободы разделяется на три – свобода действия, свобода выбора и свобода воли – и, как правило, акцент делается на изучении последней. Несмотря на широту философского подхода, он не дает однозначного ответа на вопрос, что такое свобода для индивидов. Психологический подход предлагает субъективный взгляд на свободу и исследует чувство свободы/несвободы во взаимодействии с другими людьми в процессе воспитания, обучения, творчества и т.д. Особенность социологического подхода заключается в его междисциплинарности, кроме того, от философского подхода его отличает эмпиричность, а от психологического – акцент на институциональных аспектах социальной реальности. В отличие от свободы воли, о свободе действия и свободе выбора социология вполне может говорить и эмпирически, например, изучая оценивая степень несвободы в зависимости от разных социальных причин, раскрывая факторы и образы свободы, т.е. говоря не о наличии или отсутствии свободы, а о большей или меньшей степени несвободы (представления о свободе/несвободе, права и свободы граждан и пр.). Сегодня сложно говорить о едином определении свободы – существующие трактовки можно разделить на условно «индивидуалистические» и «коллективистские». В качестве социологического определения свободы, как правило, выступает следующее: особое качество системы социальных отношений и институтов и системы целей и ценностей разных групп вместе с представлениями о допустимых способах их достижения в условиях определенных ограничений (внешних и внутренних).

Во **втором параграфе «Свобода в ее “вещественном измерении”**» представлен анализ кодов свободы/несвободы костюма, проведенный с помощью метода культурной биографии. Одежда выступает в качестве наиболее узнаваемой, повседневной, телесно-ориентированной, подверженной моде и другим социальным изменениям «вещи». Наиболее интересны в этом отношении переломные эпохи, например, после отмены крепостного права (трансформации городского костюма в результате интенсивной урбанизации) и советский период, когда значительные социальные изменения отразились на внешнем виде граждан. Вместе с изменением правовой системы в Российской империи трансформируется одежда представителей всех слоев общества, хотя некоторые сословия не сразу приняли изменения (например, купечество, особенно женщины), и наиболее ярко себя проявляет внесословный костюм. Свободный человек того времени ассоциируется с высокообразованным городским жителем «европейского типа». Влияние на одежду оказывает не только сословие, статус, но и место проживания, пол, возраст и семейное положение. Изменения в костюме начинаются раньше социальных и политических потрясений; несмотря на распространение

внесловного костюма, коды социальных различий сохранялись; модные течения в некоторой степени отражали идеал свободного человека, но мода изменчива, а идеал меняется медленно и сохраняется даже после социальных потрясений; возможности самовыражения в одежде появились одновременно с «усреднением» социальных слоев. Несмотря на несоответствие провозглашенной свободы реальной, увеличение прав привело к увеличению кодов свободы в костюме. Можно увидеть и зарождение в тот период у одежды функции «рассказа» о представлениях индивида о свободе (сначала она доступна высшим слоям, но постепенно ее обретает одежда всех классов).

В советском обществе существовали значительные ограничения свобод, в том числе за счет формирования соответствующих идентификационных моделей и поведенческих паттернов, однако можно говорить и о «неформальной» свободе выбора. В СССР свобода в целом и в одежде особенно ассоциировалась с западным образом жизни. Чтобы носить модную, а, значит, дефицитную одежду, а не ту, что навязывали государственные потребительские стандарты, необходимо было обладать хотя бы одним из четырех видов социального капитала: умением шить (с доступом к необходимым тканям), «членством» в советской элите (эквивалент обладания властью, знакомствами и финансами), связями (в нужных сферах) или выходом на спекулянтов/фарцовщиков (наиболее доступный ресурс для простого человека). Наиболее ярко внешне (костюмом) выделялась советская элита, люди творческих профессий и представители субкультур.

В третьем параграфе «Исследование свободы через одежду: апробация методического подхода» представлены результаты авторского разведывательного исследования свободы с помощью метода полуструктурированного интервью в сочетании с анализом фотографий и анкетированием, основанном на методике М. Коноваловой и Д. Нолана. Эмпирическая социология все еще находится в поиске подходящих методик измерения свободы, и один из возможных подходов здесь – оценка удовлетворенности уровнем жизни, в которую встроено и «вещественное» измерение (одежда). Другая тематика исследований – поиск определений свободы и/или сопоставление ее уровня в разных странах. Согласно полученным результатам, в эмпирическом исследовании свободы нужно учитывать несколько ее «измерений»: отношение к свободе, ее трактовку, ощущение свободы и реальные права и свободы, т.е. внутреннюю и внешнюю стороны свободы. То, как человек относится к свободе, понимает ее, во многом определяется его возрастом, биографической траекторией, социальным окружением, финансовыми возможностями, идеологическими влияниями (официальным дискурсом) и личными идеалами и целями, которые неизменно находят отражение во внешнем виде индивида.

В Заключении подведены итоги диссертационного исследования и намечены контуры дальнейших изысканий в обозначенном предметном поле. Предложенная концептуальная «оптика» и эмпирическая интерпретация вещи, безусловно, не могут считаться окончательным методологическим «шаблоном» ее социологического изучения, но задают направления последующих поисков.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:**

В изданиях из перечня, рекомендованного ВАК Минобрнауки РФ:

1. *Троцук И.В., Морозова А.В. (Панкова А.В.)* Дарение цветов: социологический анализ ритуализированной практики // *Обсерватория культуры*. 2014. №3. С.41-47.
2. *Троцук И.В., Морозова А.В. (Панкова А.В.)* Социальные функции одежды: костюм как объект социологического интереса // *Обсерватория культуры*. 2015. №2. С.97-104.
3. *Троцук И.В., Морозова А.В. (Панкова А.В.)* Символические коды телесности: одежда как индикатор трансформаций социокультурных практик // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. 2015. №2. С.145-158.
4. *Троцук И.В., Морозова А.В. (Панкова А.В.)* Одежда как индикатор степени свободы и социально-экономического состояния общества // *Теория и практика общественного развития*. 2016. №11. С.36-42.
5. *Троцук И.В., Морозова А.В. (Панкова А.В.)* Дарение цветов: особенности ритуализированной практики в современном обществе // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т.XX. №1. С.37-55.
6. *Панкова А.В.* Образ свободного человека в российском обществе середины XIX – начала XX века: социологический анализ костюма // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. 2017. Т.17. №4. С.592-612.
7. *Гребнева В.Е., Панкова А.В.* Меланхолия как счастье от пребывания в печали, и другие исторически изменчивые одеяния социальных чувств // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. 2018. Т.18. №3. С.567-580.
8. *Троцук И.В., Панкова А.В.* Социологический анализ феноменов свободы и счастья: апробация методического подхода // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. №11. С.58-65.

Публикации в других научных изданиях:

9. *Морозова А.В. (Панкова А.В.), Максимова О.Б.* Teacher's appearance: The sociological approach // *Английский язык в ВУЗе: современные тенденции в методике преподавания: Сборник статей IV межвузовской конференции*. М.: РУДН, 2016. С.189-197.
10. *Морозова А.В. (Панкова А.В.)* Внешний вид (одежда) как индикатор стиля жизни современного человека // *Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика: Материалы ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. Н.П. Нарбутова, Т.И. Лариной*. М.: РУДН, 2016. С.18-25.
11. *Морозова А.В. (Панкова А.В.)* Коды-ограничители в костюме: социологический анализ трансформации идеалов свободы в российском обществе через представления об одежде и телесности // *Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2017» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс]*. М.: Макс Пресс, 2017.

12. *Морозова А.В. (Панкова А.В.) Системы кодификации одежды – общие и уникальные // Материалы докладов 50-й международной научно-технической конференции преподавателей и студентов, посвященной году науки. Витебск: ВГТУ, 2017. Т.1. С.39-42.*
13. *Панкова А.В. Понятие «свобода» в контексте дискуссий о предмете социологии вещей // Сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых факультета гуманитарных и социальных наук «XII Фестиваль науки в Москве». М.: РУДН, 2017. С.264-275.*
14. *Панкова А.В. Возможности эмпирического анализа феномена свободы в социологии // Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика: Материалы ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. Н.П. Нарбута, Т.И. Лариной. М.: РУДН, 2017. С.129-135.*
15. *Панкова А.В. Подходы к социологической оценке феномена свободы в эмпирических исследованиях // Диалог цивилизаций: Восток-Запад: Материалы XVIII научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. В.Б. Петрова, О.В. Филатовой, В.А. Цвыка. М.: РУДН, 2018. С.244-253.*
16. *Панкова А.В. Идеальная карьера свежесрезанных цветов: исследование феномена свободы в рамках социологии вещей // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2018» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов [Электронный ресурс]. М.: Макс Пресс, 2018.*
17. *Панкова А.В. Возможности эмпирического анализа сложных социальных феноменов через их «вещественное» измерение // Сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых факультета гуманитарных и социальных наук «XIII Фестиваль науки в Москве». М.: РУДН, 2018. С.329-339.*
18. *Панкова А.В. Трактовка и внешние проекции феномена свободы: варианты социологической оценки // Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика: Материалы ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. Н.П. Нарбута, Т.И. Лариной. М.: РУДН, 2018. С.88-94.*

Панкова Анастасия Викторовна
Социологический анализ вещественного измерения социальности:
методические подходы и показательные «кейсы»

В диссертации намечены общие контуры концептуального и операционального определения вещи как вспомогательного и основного объекта социологического исследования. Для этого систематизированы концептуальные подходы российских и зарубежных исследователей к анализу феномена «вещи», показан их междисциплинарный характер и условность границ предметного поля социологии вещей. Автор объясняет принципиальную невозможность обобщенного социологического разговора о вещественном измерении социальности в целом и обосновывает необходимость социологического анализа конкретных «кейсов», которые могут выступать и как объект теоретических и эмпирических исследований (феномен дарения цветов и социальные функции и коды одежды/повседневного костюма), и как их предмет (феномен свободы представлен как проявляющийся, в том числе, в вещественных предпочтениях своих «носителей»). Автором был разработан и апробирован инструментарий разведывательного эмпирического исследования (сочетание полуформализованного интервью со сбором визуальной информации в формате фотографирования внешнего вида респондентов в разных контекстах), продемонстрировавший возможности и ограничения социологического анализа вещей как «маркеров» свободы.

Pankova Anastasia Viktorovna
Sociological analysis of the material dimension of sociality:
Methodological approaches and illustrative ‘cases’

The thesis identifies conceptual and empirical definitions of things as the main and auxiliary objects of sociological research. The thesis systematizes theoretical approaches of Russian and foreign researchers to the analysis of ‘things’ as social phenomena, reveals their interdisciplinary nature and the conventionality of the disciplinary boundaries of sociology of things. The author explains the fundamental impossibility of a generalized sociological talk about the material dimension of sociality and insists on the sociological analysis of specific ‘cases’ that can serve as both objects of theoretical and empirical studies (the phenomenon of giving flowers as presents, social functions and codes of clothes/everyday costume) and their focus (the phenomenon of freedom is considered as manifested in the preferences of ‘owners’ of things). The author developed and tested a strategy of the empirical research (a combination of a semi-structured interview with collection of visual information by photographing the appearance of respondents in different contexts), which revealed possibilities and limitations of the sociological analysis of things as ‘indicators’ of freedom.